

«ПЕРЕДАЙТЕ ПИСЬМО ЗАХАРУ БОЛЬШАКОВУ...»

Мой читатель — какой он? Кому адресую я свои книги, кому стараюсь рассказать о том, чем живу, дышу, чем волнуюсь, радуюсь и огорчаюсь? Вижу простого, обыкновенного человека, нашего, советского человека. Он живет рядом со мной, живет нашими общими заботами, нашими общими идеалами. Он любит нашу землю, наш народ. Он радуется нашими радостями. Огорчается нашими неудачами. Он работает, трудится честно и добросовестно, потому что понимает: его труд — это его вклад в общее дело, ради которого мы все живем. Такому человеку — моему современнику, другу, соратнику — хочу я в меру своих сил, возможностей объяснить процессы и явления, происходящие в нашей жизни, в ее недрах. Объясняя ему, я объясняю и себе. Как и каждый человек, я не застрахован от ошибок: не так понял, неверно истолковал. Мой читатель — самый строгий судья. Он спорит со мной, порой и поправляет. Я ему благодарен, потому что я ему верю. Я убежден: сегодняшний читатель знает много и многое понимает (иногда не меньше, чем писатель). У него пылливый ум, он человек не безучастный — заинтересованный человек. Писатель может и должен ему верить.

Я ощущаю свой контакт с читателем. И письма (среди

них не припомню ни одного, в котором бы мои произведения отвергались категорически), и встречи с самыми разными людьми это мое ощущение подкрепляют.

Запомнился разговор с секретарем Новосибирского обкома партии А. П. Филатовым. Говорили о герое «Вечного зова» Назарове. Такому человеку, сказал мой собеседник, хочется подражать. Его жизни подражать, характеру, миропониманию. Меня эти слова взволновали. И не потому только, что книга моя понравилась, задела за живое — что греха таить, это всегда лестно, — но потому прежде всего, что услышал я слова эти от человека, вызывающего у меня бесконечное уважение, настоящего человека, крупного партийного работника. Значит, оценен мой герой по большому счету.

А вот письмо: «Судьбы ваших героев нас — меня, коммуниста, работника завода, мою жену-врача, дочерей-комсомолок: младшую — школьницу и старшую — студентку консерватории — волнуют, как судьбы близких или давно знакомых людей...» Не ради ли этого я пишу?

Читатель предлагает сюжеты, его интересует, как сложились судьбы героев, он ждет продолжений, он хочет знать все о людях, ставших ему близкими. «...Передайте это письмо Захару Большакову» — и такие просьбы не редкость. Радоваться ли подобным вещам или снисходительно улыбаться: вот, мол, какое непонимание законов художественного творчества? Не знаю, кто как, но я искренне радуюсь, если такие письма приходят. Эстетическая грамотность — дело наживное, а вот если душа зачерствела, если способность к искреннему и живому восприятию утрачена, — тогда дело плохо...

«Мои заметки 1946, 4 окт. 1946»